ЭТНОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·НАУКА·

ПРОБЛЕМА «БОЛЬШОГО ХОРЕЗМА» И АРХЕОЛОГИЯ

М. Г. ВОРОБЬЕВА

Гипотезы о существовании в Средней Азии крупного доахеменидского объединения, иногда именовавшегося Хорезмским царством, иногда раннегосударственным образованием или «Большим Хорезмом», появились задолго до начала археологических исследований в Хорезмском оазисе. Основанием им послужили немногочисленные письменные источники: краткие сведения о хорасмиях, переданные Геродотом (III, 117) и Гекатеем Милетским (фрагм. 293а по Якоби; 173 по Мюллеру), и некоторые другие данные более поздних авторов, а также сведения из древнеперсидских надписей и текстов Авесты. В последнее время к письменным источникам прибавились археологические, значение которых увеличивается по мере накопления.

Сведения Гекатея и Геродота позволяют предполагать расселение древних хорезмийцев вдоль Туркмено-Хорасанских гор и, возможно, на территории прорезавших их речных долин. С этими данными до известной степени сближаются средневековые легендарные представления о старом Хорезме у Балхан, содержащиеся у Макдиси и Ибн-ал-Асира [1]. Однако сведения о южной локализации хорезмийцев оказались в противоречии с более поздними известиями об этом народе и стране, указывавшейся в низовьях Амударьи и сохранившей до сих пор свое название. Разногласия между разновременными письменными источниками вызвали различную их интерпретацию, сводящуюся в основном к выяснению места расселения хорезмийцев до образования державы Ахеменидов, наличия (или отсутствия) у них в это время какого-либо типа раннегосударственного образования и определению сферы его влияния.

Предпринятое недавно И. В. Пьянковым [2] тщательное исследование сведений древних авторов и критический разбор основанных на них гипотез с источниковедческой точки зрения позволяют не останавливаться на их подробном изложении. Отметим только, что речь идет в основном об интерпретации переданной Геродотом легенды о реке Акес и отрывка из «Землеописания» Гекатея. Основные материалы дополнены сведенными воедино менее отчетливыми данными.

В понятие «Большой Хорезм», как известно, вкладывалось разное содержание; определение его территории и сферы влияния также варьировало, хотя большинство исследователей склонялись (и склоняются сейчас) к локализации центра хорезмийских земель в низовьях Амударьи и к тому, что Хорезм в доахеменидское время мог быть центром достаточно влиятельного объединения среднеазиатских племен и осуществлять выходящую за пределы собственной территории политическую гегемонию. Допускается и возможность распространения власти Хорезма на некоторые области юга Средней Азии [3]. Однако существовали и продолжают существовать гипотезы о проживании хорезмийцев к востоку от Парфии вдоль Хорасанских гор (Тарн, Альтхейм) или об уничтоженном Киром сильном Хорезмском царстве с центром в Мерве и Герате, влияние которого распространялось на перечисленные Геродотом в легенде об Акесе народы — гирканцев, парфян, сарангов и таманеев (Хеннинг, Гершевич). В обоих случаях хорезмийцы, как полагают исследователи, заселили Хорезмский оазис лишь после завоевания их земель на юге персами.

Существуют и варианты расселения хорасмиев ранних античных источников одновременно и на нижней Амударье, и на юге (Германн, Кисслинг).

Попытку согласовать разноречивые свидетельства письменных источников предпринял и И. В. Пьянков [4]. Однако, как можно будет заключить из дальнейшего, вряд ли удастся подтвердить археологически его гипотезу о соприкасавшемся с Мидией и Бактрией Хорезмийском царстве, занимавшем северные предгорья Копетдага, Кучано-Мешхедскую долину, район Нишапура, долину Теджена и Гератский оазис, и о последующем переселении ахеменидской администрацией части хорезмийцев в низовья Амударьи в качестве земледельцев-колонистов то ли в начале IV, то ли в конце V в. до н. э.

Широко развернувшееся археологическое изучение Хорезма и Южного Туркменистана значительно расширяет реальные возможности исследователей. В настоящее время вопрос упирается в абсолютную датировку памятников указанных регионов и определение особенностей их материальной культуры при несомненном общем сходстве, распространяющемся и на материалы синхронных памятников других среднеазиатских областей, вплоть до расположенных в Таджикистане.

Трудности заключаются в применяемом до сих пор широком хронологическом диапазоне

при датировании; особенно затруднительно, когда дата, включающая два-три столетия, охватывает конец одного культурно-исторического периода и начало нового. В данном случае это относится к суммарной датировке памятников VI—IV вв. до н. э., давно уже не удовлетворяющей исследователей, особенно при решении вопросов, подобных затронутым. К тому же дата «VI—IV вв. до н. э.» часто покрывает только понятие «ахеменидский период», т. е. по существу нижний ее предел начинается не ранее второй половины VI в. до н. э.

Наиболее ранний из исследовавшихся памятник архаической культуры Хорезма — городище Кюзели-гыр до сих пор относят или достаточно неопределенно к «ахеменидскому» времени, или указывают абсолютные даты — VI—IV, VI—V, V и V—IV вв. до н. э., причем иногда все они в разных вариантах присутствуют в одной работе[5]. Под VI в. до н. э. применительно к Хорезму обычно понимают только его вторую половину, если не конец. В настоящее время дата V—IV вв. по отношению к начальному этапу архаической культуры Хорезма как будто не употребляется, но VI—IV вв. до н. э. и «ахеменидское время» остаются[6]. Явная неустойчивость предлагавшихся в свое время дат объясняется недостаточностью имевшегося тогда материала и не только в Хорезме, но и в других областях.

Указание на IV в. до н. э. как поздний предел существования архаической культуры зависело от наличия в комплексе красноангобированной столовой посуды и отсутствия двуперых наконечников стрел[7]. Однако позже, после продолжения работ на Кюзели-гыре, С. П. Толстов изменил датировку, исключив IV в. до н. э., и отметил, что вновь полученные на памятнике наиболее древние бронзовые наконечники восходят к рубежу VII—VI вв. до н. э.[8] Кроме того, уже давно было установлено своеобразие архаической культуры Хорезма, заключавшееся в применении красного ангоба для двустороннего покрытия столовой посуды и внутренней поверхности тазов. Красноангобированная керамика обнаружена и в верхнем и в нижнем горизонтах Кюзели-гыра, причем цвет и качество ангоба в верхнем горизонте начали изменяться в сторону приближения к позднеархаической посуде из Дингильдже.

В большинстве областей Средней Азии красный ангоб появляется позже, однако в предгорной прикопетдагской полосе он традиционен, так что Хорезм в этом отношении не исключение и раннее появление там красного ангоба не может служить обоснованием более поздних дат.

Что касается найденных на Кюзели-гыре бронзовых наконечников стрел, то представляется вполне обоснованным отнесение И. Н. Медведской[9] всего известного сейчас набора стрел Кюзели-гыра к VI в. до н. э. Из этого следует, что, видимо, и самое начало V в. до н. э. для верхнего горизонта Кюзели-гыра придется исключить (хотя ранее это было предложено[10]). Новые раскопки показали, что наслоения с наконечниками, осторожно датированными О. В. Вишневской VI—V вв.[11], а И. Н. Медведской — только VI в. до н. э., были не самыми древними на изучаемом участке. Анализ полученных материалов позволяет заключить, что наслоения первой половины VI в. до н. э.[12] на городище начинают выделяться довольно надежно и независимо от датировки синхронных комплексов соседних с Хорезмом областей.

Это особенно важно в связи с наметившейся в последние годы тенденцией близкие по общему облику материалы из различных древних этнокультурных областей, иногда значительно удаленных друг от друга, датировать по комплексам, полученным при раскопках Яз-депе и особенно часто по Яз III (V—IV вв. до н. э.). Между тем вопрос о желательном удревнении этапа Яз II, а следовательно, и начала комплекса Яз III на полстолетия уже поднимался в литературе[13]. После раскопок могильника Уйгарак переходный этап от комплекса Яз II к Яз III, а может быть, и ранний Яз III придется, видимо, удревнить до конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э. (если, конечно, признаки, по которым различаются оба комплекса, были выделены четко), так как в кургане 39 Уйгарака с инвентарем конца VII в. или рубежа VII—VI вв. до н. э. найден «баночный» сосуд с типичным для Яз III изогнутым внутрь краем и низким поддоном[14]. При сравнении же материалов Кюзели-гыра и Яз-депе обнаруживается сходство не только с Яз III, но и с Яз II, так что по всем приведенным данным начальный этап жизни на Кюзели-гыре, а вместе с ним и ранний период архаической культуры в целом теперь возможно относить к доахеменидскому времени.

Мы еще не располагаем археологическими материалами для характеристики культуры, сменившей в Хорезме амирабадскую и, в свою очередь, уступившей место архаической, так что VII век до н. э. в целом пока остается для собственно Хорезма непознанным. Отсутствие видимой генетической связи между амирабадом и архаикой создает впечатление чужеродности последней на хорезмской почве. Однако еще недавно, до раскопок на Дингильдже, в таком же положении находились архаическая и раннекангюйская культуры, между которыми,

казалось, не было точек соприкосновения, теперь же преемственность налицо.

По всей вероятности, освоение железа, переход от ручной лепки керамики к гончарному кругу, который хорезмийцы, очевидно, заимствовали от населения Южного Туркменистана или северной Бактрии, происшедший, вероятно, в это же время переход к кочевничеству части населения Средней Азии, а также изменившиеся природные условия в низовьях Амударьи (отмирание Южной Акчадарьинской дельты) и необходимость освоить технику ирригации, связанной с большой рекой с непостоянным руслом, привели к резкому изменению уклада жизни населения Хорезма. Поселений этого времени мы пока еще не можем выделить, но, видимо, предположение С. П. Толстова о том, что в период между VIII и VI вв. до н. э. были построены крупные магистральные ирригационные каналы[15], справедливо. Без них не могли существовать ни такие поселения городского типа, как Кюзели-гыр, ни многочисленные сельские поселения.

В правобережном Хорезме на свободных от песков и современного освоения землях только Хорезмской экспедицией было зарегистрировано более 250, а в левобережном — около 60 пунктов, относящихся к архаическому времени (без учтенных археологами Каракалпакии и Туркмении). Поселения базировались на нескольких оросительных системах значительной протяженности, в силу чего головы каналов должны были находиться далеко от поселков, расположенных вдоль берегов. Строительство и эксплуатация таких систем требовали много рабочих рук и вмешательства государственной администрации, поскольку и головные сооружения, и бóльшая часть трассы каналов (в том числе и длинный холостой пробег) уже не контролировались в пределах одного и даже нескольких селений.

Заселенность Хорезма в доахеменидское время (помимо многих других данных в пользу постоянного проживания хорезмийцев в низовьях Амударьи) исключает переселение их с юга в результате завоеваний Ахеменидов. Кроме того, архаическая культура Хорезма лишь в общих чертах сходна с расположенными южнее. На той территории, которую отводили хорасмиям на юге источники и некоторые исследователи, не найдено следов жизни хорезмийцев, хотя изучается она достаточно интенсивно. Так, в Гератском оазисе, судя по специальным работам Советско-Афганской экспедиции, наиболее ранние памятники датируются античным периодом[16].

В противоположность Герату земли вдоль Теджена (Серахский и Тедженский оазисы), Мургабский оазис, подгорная часть прикопетдагской полосы и юго-западная прикаспийская равнина были довольно плотно заселены задолго до начала ахеменидского завоевания. Не говоря уже о поселениях эпохи бронзы, здесь с начала I тысячелетия до н. э. или несколько раньше распространилась культура, характеризующаяся расписной керамикой ручной лепки и представленная локальными вариантами типа Яз I в Мургабском оазисе и ЕД II, Анау IVa в подгорной прикопетдагской полосе. На территории Мисрианской равнины и вдоль берегов Атрека и Сумбара достаточно густо расположены памятники культуры архаического Дахистана, просуществовавшей с конца II тысячелетия по VII в. до н. э., после чего жизнь в этом районе временно прекратилась и частично возобновилась в античное (отдельные пункты на западе равнины), а в основном в раннесредневековое время. В подгорной же полосе, в долине Теджена и Мургабском оазисе жизнь продолжалась. Для этих районов (если принять удревнение Яз II—Яз III) с начала VII в. до н. э. характерны культуры Анау IV, ЕД III и Яз II — Яз III. Материалы же кюзелигырского облика пока не обнаружены.

Это как будто бы позволяет предположить правоту исследователей, считавших основным центром расселения древних хорезмийцев земли в низовьях Амударьи. Однако новые работы, видимо, позволяют уточнить южную границу Хорезма до персидских завоеваний. В этом отношении интересны раскопки В. Н. Пилипко, обнаружившего новый пункт с материалами раннего этапа архаической культуры Хорезма в нижних напластованиях Кошкалы[17], ранее известной как хорезмийское укрепление античного периода[18]. Обнаруженная Хорезмской экспедицией аналогичная керамика севернее Кош-калы 1, также на левобережье средней Амударьи свидетельствует, что заселенная древними хорезмийцами территория в архаический период не ограничивалась, как считалось ранее, низовьями реки, но занимала прибрежную полосу и на средней Амударье.

Благодаря археологическим работам сейчас известны возможные южные пределы земель Хорезма архаического, кангюйского и кушанского периодов. В 1968 г. В. Н. Пилипко обнаружил в нижних напластованиях укрепления Одей-депе, расположенного в 90 км к юго-востоку от Кош-калы 1 и в 30 км к северо-западу от Чарджоу (по побережью), материалы, относящиеся к культурам Яз I, Яз II и Яз III. Кроме керамики, выявлены остатки строений и укреплений[19].

Стоявшие невдалеке друг от друга культурные памятники с синхронными напластова-

ниями (и на Кош-кале 1 и на Одей-депе есть слои доахеменидского и античного времени), по всей вероятности, могут свидетельствовать в пользу того, что по крайней мере с начала VI в. до н. э. южная граница Хорезма шла где-то между Кош-калой и Одей-депе. Наслоения с керамикой типа Яз I на Одей-депе позволяют думать, что граница эта определилась несколько раньше, хотя синхронные наслоения на Кош-кале пока не установлены. Не исключено, что появление древнемаргианского (или бактрийского?) поселения на средней Амударье преследовало цель воспрепятствовать продвижению Хорезма к югу. Установленная граница значительно увеличивает земли архаического Хорезма и приближает их к области хорасмиев, указанной Гекатеем, знавшим, вероятно, лишь о южной окраине этих земель, расположенных если не к востоку, то на северо-восток-восток от парфян. Как видим, владения Хорезма вплотную подходили к Согдиане, Бактрии и, возможно, Маргиане или маргианским форпостам того времени (если керамика Одей-депе маргианская, а не синхронная культурам Яз I—Яз III бактрийская).

Исследование памятников куюсайской культуры в Присарыкамышской дельте Амударьи [20] позволяет наметить точнее, чем раньше, западную границу Хорезма. Начальный этап куюсайской культуры (поселение Куюсай 2), датированный Б. И. Вайнберг наконечниками стрел, импортной ремесленной посудой, характерной для архаического Дахистана и комплекса Яз II Маргианы, и прочим инвентарем VII—началом VI в. до н. э., пока не обнаруживает связей куюсайцев с хорезмийцами, хотя архаическая керамика Хорезма залегает вблизи куюсайских поселений и могильников. На этом основании предполагается, что куюсайская культура предшествовала архаической и в VI—V вв. до н. э., видимо, сменилась последней [21], с чем, однако, трудно согласиться. Обнаруженное в погребениях более поздних курганов могильника Тарым-кая сочетание лепных куюсайских сосудов с круговыми хорезмийскими, характерными для раннекангюйской культуры (рубеж V—IV вв. до н. э.), а в одном случае — и с круговым хорезмийским архаическим, что типично для V в. до н. э.[22], свидетельствует о сосуществовании культур, начало которого относится, судя по керамике кюзелигырского типа, еще к первой половине VI в. до н. э., если не к более раннему времени, хотя в материальной культуре куюсайского населения это пока не выявлено. Влияние Хорезма замечено с V в. до н. э., когда начал меняться погребальный обряд и у куюсайцев появились захоронения очищенных костей в хорезмийских сосудах [23]. Длительное существование (с VII и, возможно, по IV в. до н. э.) на одном месте памятников куюсайской культуры скорее свидетельствует о том, что смены населения и культур в этом районе не произошло. Не исключено, что жившее на окраинах Хорезма куюсайское население как-то зависело от более сильного соседа и, возможно, находилось у него под защитой, поскольку в местных погребениях отсутствует оружие [24].

Преемственность культур Хорезма, установленная для интересующего нас периода на одной и той же территории по крайней мере от начала VI в. до н. э., когда повсеместно были распространены поселения носителей архаической культуры (в силу внутреннего развития перешедшей в кангюйскую), показывает, что носителями этих культур должны быть хорасмии письменных источников на разных стадиях своего развития. Установление указанной даты для вскрытых пока наслоений раннеархаического периода должно, видимо, снять возражения против возможности существования в Хорезме ранней формы государственности еще до походов Кира, во всяком случае не уступавшей предполагаемой для древней Бактрии. Увеличение территории собственно Хорезма и приближение его границ почти вплотную к землям Бактрии, Маргианы и Согдианы делают достаточно реальной возможность экономических, политических и прочих связей с ними Хорезма, а также и непосредственного влияния его на часть соседних областей. Длительное соседство с Хорезмом носителей куюсайской культуры может служить примером достаточной прочности его взаимоотношений с соседними племенами и позволяет предположить возможность распространения влияния и в других направлениях. Вместе с тем наличие укреплений, выдвинутых на среднюю Амударью (хорезмийская Кош-кала против Одей-депе) и простоявших там несколько столетий, позволяет думать, что древнехорезмийское и древнебактрийское объединения не уступали друг другу. Накапливающиеся археологические материалы позволят в дальнейшем увеличить и уточнить конкретные данные для решения проблемы «Большого Хорезма», широко поставленной И. Марквартом и особенно С. П. Толстовым, много сделавшим для теоретического обоснования возможности существования подобного объединения.

[1] *Бартольд В. В.* Соч., т. III. М.: Наука, 1965, с. 36, 37, 45, 170, 299, 322; ср. с. 545.

[2] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского. — ВДИ, 1972, № 2, с. 3—20.

[3] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 126, 127; История таджикского народа, т. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 151, 152.
[4] *Пьянков И. В.* Хорасмии..., с. 18—20.
[5] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 42, 43, 46, 52—55, 61, 62, 106, 107, 126, 127, 156. Поздняя из дат появилась в указанной статье И. В. Пьянкова применительно к исключенному из числа архаических памятников городищу Калалы-Гыр 1.
[6] *Массон В. М.* К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 44.
[7] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 77.
[8] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, с. 98.
[9] *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1972, № 3, с. 86, 89.
[10] *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в Хорезме. М.: Наука, 1973, с. 206.
[11] *Вишневская О. А.* Городище Кюзели-гыр. — АО 1971 г. М.: Наука, 1972, с. 533, 534.
[12] *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы..., с. 86. И. Н. Медведская считает, что для предложенного автором настоящей статьи углубления даты нижнего комплекса Кюзели-гыра до VII в. до н. э. данных (двухлопастная стрела) пока недостаточно. Соглашаясь с этим в общем правильным замечанием, отмечу, что на городище найден фрагмент трехдырчатого псалия, имеющего ту же дату (*Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1971, с. 102).
[13] *Дьяконов И. М.* [Рец.]. — В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. — ВДИ, 1960, № 3, с. 196—203.
[14] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 78, рис. 47, *1*; с. 120; табл. XXII, 27; ср.: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура..., табл. XLII, *1*, *6*; ср.: *Кузьмина Е. Е.* [Рец.]. — О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — СА, 1975, № 2, с. 288, 289.
[15] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 101.
[16] *Сарианиди В. И.* Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. — КСИА, 1973, вып. 136, с. 22.
[17] *Пилипко В. Н.* Из работ Амударьинского отряда. — АО 1968 г. М.: Наука, 1969, с. 428; *Он же.* Раскопки в Дейнауском районе Чарджоуской области. — АО 1974 г. М.: Наука, 1975, с. 528. Пользуюсь случаем поблагодарить В. Н. Пилипко, ознакомившего меня с материалами из Кош-калы 1.
[18] *Ершов С. А.* Археологические памятники левого берега Амударьи. — ВДИ, 1941, № 1, с. 185.
[19] *Пилипко В. Н.* Из работ..., с. 427, 428; *Он же.* Раскопки..., с. 528.
[20] *Вайнберг Б., Дурдыев Д., Юсупов Х.* Разведочные работы в Северной Туркмении. — АО 1970 г. М.: Наука, 1971, с. 435; *Вайнберг Б. И.* Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М.: Наука, 1975, с. 518, 519; *Она же.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. — УСА, 1975, вып. 3, с. 42—48; *Она же.* Памятники куюсайской культуры. — В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979, с. 76 (ТХЭ, т. XI).
[21] *Вайнберг Б. И.* Куюсайская культура..., с. 42, 47.
[22] Сочетание сосудов архаического и раннекангюйского облика, известное по раскопкам усадьбы в урочище Дингильдже, характерно не для IV в. до н. э., как полагает Б. И. Вайнберг (см.: *Вайнберг Б. И.* Новые памятники..., с. 519), а для V в. до н. э., поскольку нет оснований снижать датировку усадьбы; захоронения же без архаических сосудов, видимо, наиболее поздние, датировать IV в. до н. э. возможно.
[23] *Вайнберг Б. И.* Новые памятники..., с. 519.
[24] Там же.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЮ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЮ В ХОРЕЗМЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.

Е. Е. НЕРАЗИК

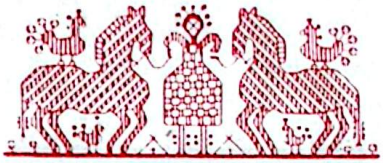
Структура среднеазиатской земледельческой общины, характерные черты связанного с нею землеустройства и землепользования даже для средневековья, которое представляет исследователю уже значительное число письменных сведений, остаются почти неизвестными. Тем более это относится к древним периодам истории Средней Азии, для которых часто единственным источником является археология. Естественно, по вопросам землепользования археология предоставляет исследователю только косвенные факты, однако каждый из них в силу указанных причин приобретает первостепенное значение. Наиболее благоприятными для исследования отдельных проблем, связанных со структурой и внутренним укладом земледельческих общин, являются условия Хорезма, где до последнего времени еще сохраняются древние оазисы, заброшенные в первые века н. э. и не осваивавшиеся вплоть до нашего времени. На их территории хорошо прослеживаются следы не только крупных каналов, но даже мелкой арычной системы, очертания полей и виноградников, окруженных глинобитными оградами — дувалами [1].

В связи с освоением пустынных районов вдоль древнего канала Кельтеминар в зоне крепостей Базар-кала и Джанбас-кала в 1976 г. здесь были продолжены работы на поселении первых веков н. э., расположенном в 4,5 км

2871
26
57-11634

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXVI

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

На обследованном участке русла преобладает неолитическая верхнеузбойская культура, к наиболее раннему варианту которой относятся, вероятно, предметы, найденные на куртышских стоянках.

Соприкосновение верхнеузбойской культуры с нижнеузбойской, ближайшим центром которой является урочище Тоголак, происходит в районе колодца Янаджи.

Находки, относимые к эпохе бронзы встречаются повсеместно, но они менее многочисленны, чем неолитические. Таким образом, работы этого года вновь подтвердили тезис С. П. Толстова о том, что Узбой был живой рекой вплоть до начала I тысячелетия до н. э.

Если для эпохи неолита и ранней бронзы мы можем уверенно говорить об интенсивном течении воды по Узбою на всем его протяжении, то для конца II — начала I тысячелетия до н. э. речь, возможно, должна идти об отмирании русла, о наличии в нем лишь остаточных озер.

В районе сухого русла Узбой обнаружены следы многочисленных караванных троп, идущих вдоль русла и пересекающих его. Они были проложены в средние века, о чем свидетельствует собранная вдоль них керамика.

Дальнейшие работы на Узбое помогут уточнить еще целый ряд вопросов, связанных с историей его заселения.

М. Г. ВОРОБЬЕВА

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ АНТИЧНОГО ХОРЕЗМА

Впервые остатки обжигательных печей и гончарных кварталов были обнаружены С. П. Толстовым в 1938 г. при работах на городище Базаркала [1]. В последующие годы в Хорезме зафиксировано до 45 пунктов местонахождения гончарных мастерских, из них 26 датируются античным временем.

В 1953—1954 гг. производились раскопки на трех городищах, где обнаружено 14 гончарных печей, относящихся к кангюйскому и кушанскому времени. Наиболее ранний гончарный квартал на городище Кюзели-гыр относится к кангюйскому времени. Он расположен на юго-западной оконечности городища, уже запустевшего к началу функционирования мастерских [2]. В 1954 г. здесь расчищено около 620 кв. м площади гончарного квартала, причем вскрыто восемь размещенных попарно печей, а также прилегающие к ним вымостки, или рабочие поверхности, места выброса керамического брака и производственное помещение (рис. 1).

Вскрытые печи однотипны по конструкции и различаются лишь деталями устройства. Приведем описание печи № 5 (рис. 2). В неглубокой предтопочной яме имелось прямоугольное топочное устье (0,3—0,4 × × 0,4 — 0,6 м), от которого, постепенно понижаясь, шел топочный канал длиной 0,5—1,25 м (стенки его выложены кирпичами, поставленными на ребро или положенными плашмя в несколько рядов). Канал вел в топочную камеру, у входа в которую он обрывался ступенькой высотой от 2 до

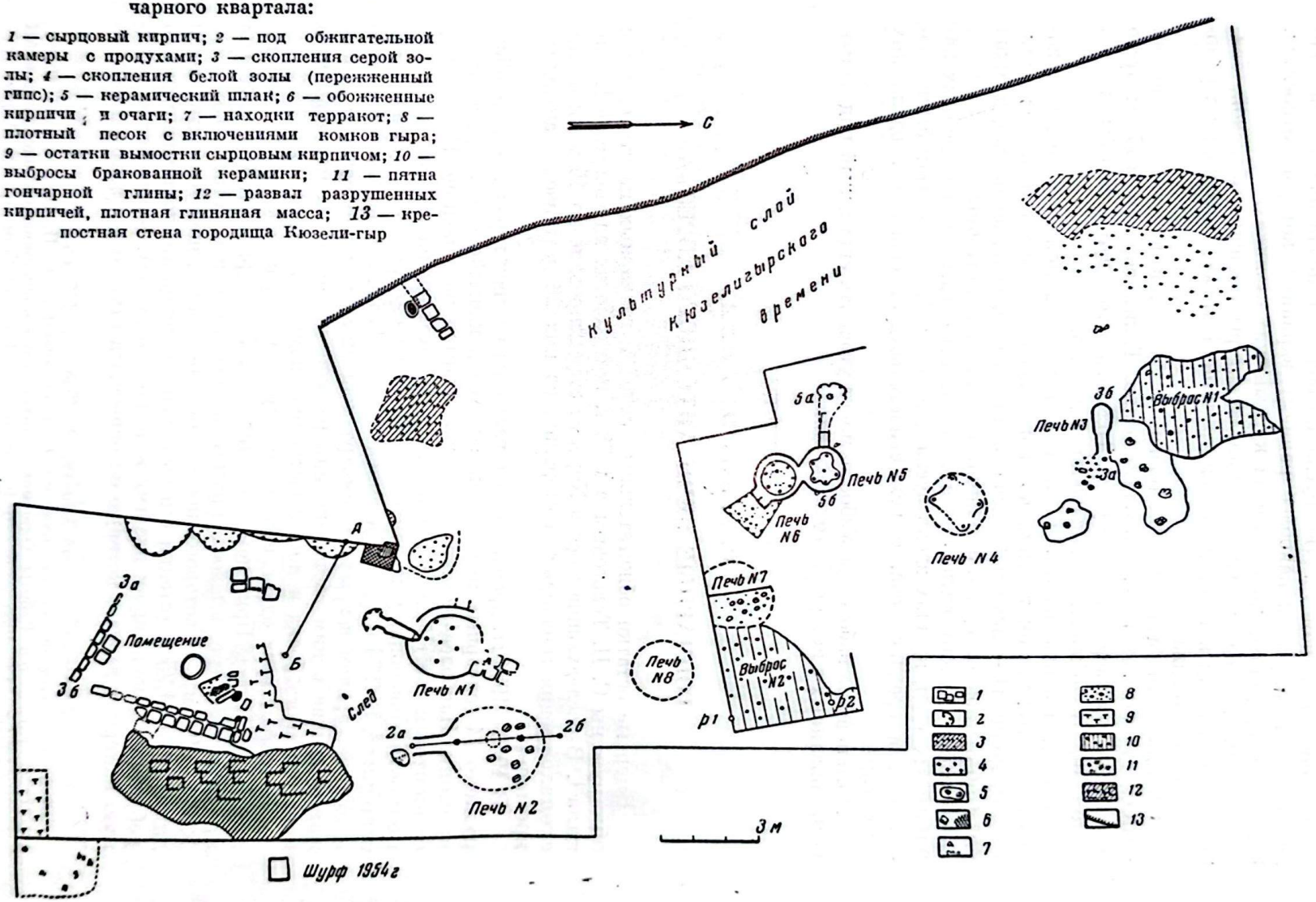
---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 112, рис. 47.

[2] Этот гончарный квартал нанесен на план городища С. П. Толстовым в 1939 г. См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г.— СВ, 1955, № 6, стр. 105; его же. Древний Хорезм, стр. 79, рис. 18.— Первая печь вскрыта в 1953 г. под руководством начальника отряда О. А. Вишневской. В 1954 г. работы производились под руководством С. П. Толстова; раскоп вела М. Г. Воробьева.

Рис. 1. Кюзели-гыр. План раскопа гончарного квартала:

1 — сырцовый кирпич; *2* — под обжигательной камеры с продухами; *3* — скопления серой золы; *4* — скопления белой золы (пережженный гипс); *5* — керамический шлак; *6* — обожженные кирпичи и очаги; *7* — находки терракот; *8* — плотный песок с включениями комков гыра; *9* — остатки вымостки сырцовым кирпичом; *10* — выбросы бракованной керамики; *11* — пятна гончарной глины; *12* — развал разрушенных кирпичей, плотная глиняная масса; *13* — крепостная стена городища Кюзели-гыр

25 см. Топочная камера в плане имела неправильную грушевидную форму и была вытянута по продольной оси (ширина ее 0,7—1 м, высота 0,66—0,85 м); у всех печей топки заглублены в материк.

Помещенная над топкой обжигательная камера соединялась с ней жаропроводящими каналами диаметром 7—10 см; она всегда была больше топочной. Диаметр камеры для обжига колеблется от 1 до 1,8 м. Перекрытие между камерами состояло из специального глиняного диска толщиной 14—16 см, с отверстиями-продухами. Диск укладывался на края топочной ямы. Обжигательная камера не сохранилась полностью ни у одной печи. Судя по уцелевшим стенкам печи № 6 (они сохранились на высоту примерно 20 см), камера была сделана из сырцовых кирпичей и имела куполообразную форму. Загрузочные люки находились со стороны, противоположной топочному устью, так как к этой стенке на уровне пода обжигательной камеры примыкали вымостки, или рабочие поверхности.

На расчищенной части гончарного квартала обнаружена, кроме печей, плохо сохранившаяся постройка площадью 23 кв. м (см. рис. 1). В ее северной, разрушенной стене, очевидно, был проход в сторону печей. В северо-западном и северо-восточном углах упомянутого строения найдены остатки небольших бытовых очагов. С восточной стороны к помещению примыкало еще одно, от которого в настоящее время почти ничего не сохранилось. В нем были расчищены пятна хорошо промешанной пластичной глины; здесь, вероятно, находилось место замеса глиняной массы. Вдоль западной стены основного помещения вскрыты три ямы, заполненные беловато-серым порошкообразным веществом, оказавшимся выжженным гипсом.

Собранные данные свидетельствуют о том, что помещение возникло одновременно с печами и было одним из сооружений гончарной мастерской.

В процессе обработки найденных материалов произведены химические анализы глины, готовых изделий и пр.[3] По предварительным данным качественного анализа глину следует отнести к алюмосиликатам и, судя по большому содержанию окиси железа, к разновидности легкоплавких[4]. В основном она состоит из глинозема (Al_2O_3) и кремнезема (SiO_2) с природными примесями полевого шпата, кварца, марганца. В качестве специально добавляемой отощающей примеси употреблялся сернокислый кальций или гипс ($CaSO_4$). Интересно, что взятое из ям у помещения порошкообразное вещество, такой же порошок со дна топочных камер, белые комочки, вкрапленные в глиняное тесто сосудов, и каменистые комки, входящие в состав материка, по химическому составу оказались одинаковыми. Это тот же гипс с примесью окисей железа, аммония, марганца, магния, кремния, кварца. Каменистые комки коренной породы различаются лишь структурой.

При прокаливании ее в лаборатории при 1000° С достигнуто разрушение кристаллической структуры комка и превращение его в беловато-серый порошок, такой же, как и находившийся в ямах и топках. Очевидно, добавлявшийся в глиняную массу порошкообразный гипс получался из комков коренной породы при прокаливании их в гончарных печах. Судя по тому, что порошок из этих комков получен при 1000° С и такой же порошок был обнаружен во всех печах, температура при обжиге должна была достигать 1000° С.

Исследование выбросов керамического брака и фрагментов сосудов, собранных в камерах и близ печей, позволило определить изготовлявшуюся

[3] Анализ произведен сотрудником химической лаборатории Центральных реставрационных мастерских Г. Н. Томашевич.

[4] См. Г. М. Л я х о в. Глины. М., 1932, стр. 12, 13.

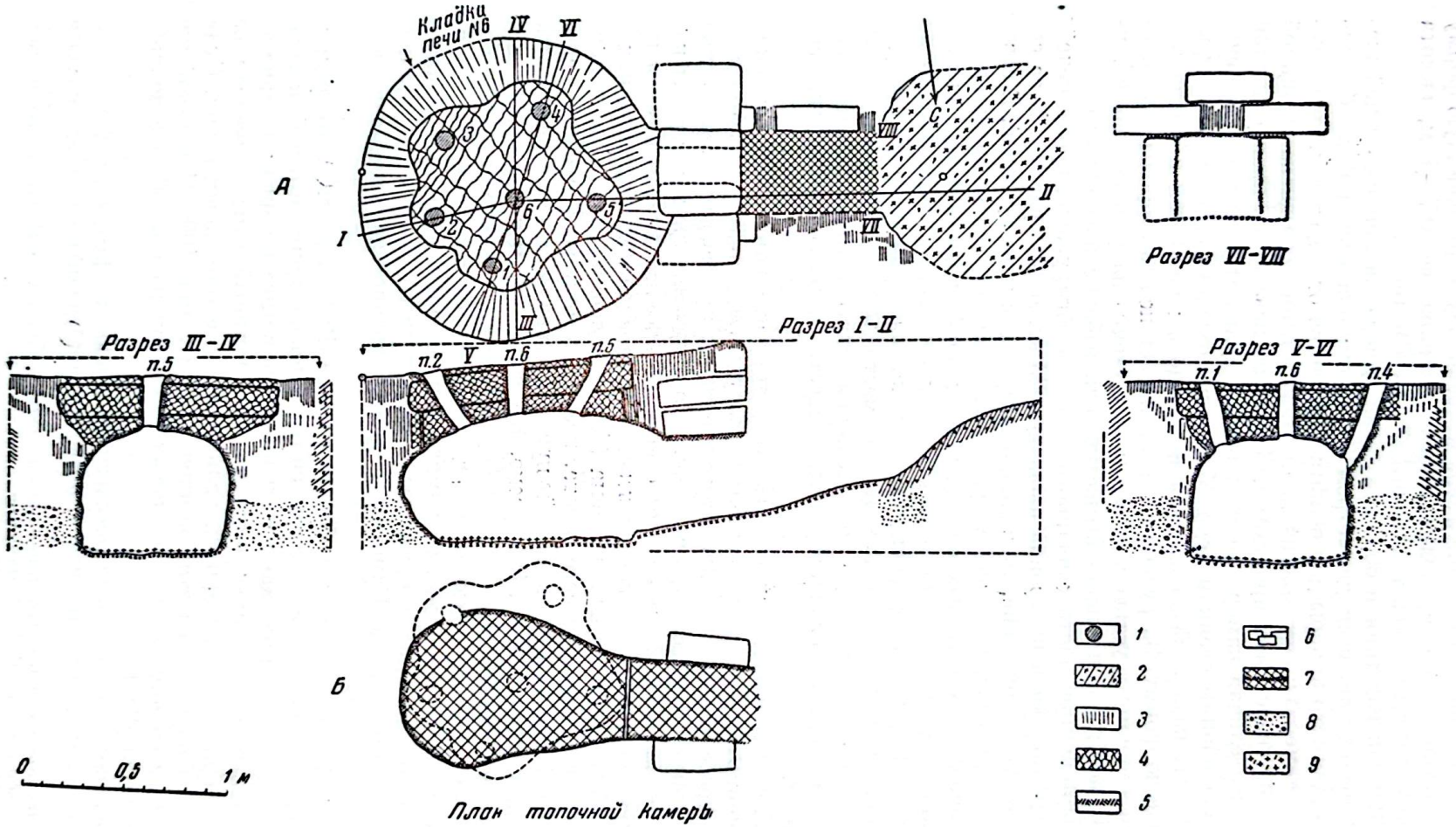

Рис. 2. Кюзели-гыр. Гончарная печь № 5 (раннекангюйский период)

А — план и разрезы гончарной печи № 5: *1* — продухи в поде обжигательной камеры; *2* — культурный слой с включением золы, угля и редких находок керамики; *3* — прокаленная докрасна глина или разрушенный кирпич; *4* — глиняный диск с продухами, перекрывающий топочную камеру, покрытый светлой желто-зеленой обмазкой; *5* — ошлакованная обмазка стен топочной камеры; *6* — сырцовые кирпичи; *7* — обожженный под топочной камеры; *8* — песок с комками гыра; *9* — зола, угли; *Б* — план топочной камеры

продукцию. Сосуды представлены всеми характерными для раннекангюйского времени формами, известными по раскопкам Калалы-гыра 1 и 2, Кой-Крылган-калы, Джанбас-калы и других памятников [5].

На многих сосудах, обожженных кирпичах-плитках и обломках подставок, применявшихся при производстве и найденных среди выброса брака, оказались знаки мастеров. На сосудах два основных типа их — в виде римской пятерки (выброс у печи № 3) и Т-образный (у печи № 2), по одному разу встречены П-образный, крючковидный и в форме четырехугольника. Знаки на кирпичах были в виде коротких, но глубоких, слегка расходящихся насечек. Заслуживают внимания фрагменты бракованных статуэток, найденные в ямах выбросов вместе с керамикой. Эти находки позволяют датировать обнаруженные терракоты раннекангюйским временем и установить, что в Хорезме, как и в других районах Средней Азии, терракоты изготовлялись в обычных гончарных мастерских и обжигались вместе с сосудами [6].

К более позднему, уже кушанскому времени относятся три печи, раскопанные в 1954 г. в северо-восточной части большого гончарного квартала Базар-калы. Две из них (№ 2 и 3) по размеру и конструкции близки кангюйским, известным по Кюзели-гыру (см. рис. 2). Ближайшей аналогией этим печам за пределами Хорезма можно считать печь с топочной камерой, перекрытой глиняным диском с продухами, открытую на городище Алтын-асар в 1951 г. [7] Слой, в котором она обнаружена, относится к «горизонту жерновов» и датируется С. П. Толстовым первыми веками нашей эры [8].

Аналогичной, но территориально значительно более удаленной является гончарная печь (тип I), обнаруженная в 1935 г. В. А. Городцовым на Елизаветинском городище и также датированная первыми веками нашей эры [9].

Третья печь (№ 1) на Базар-кале отличается величиной и формой топочной камеры (рис. 3). Топка узкая, прямоугольная и по площади равна всего одной шестой части обжигательной. Узкий (34 см) топочный ход не выходит за пределы тела печи. Он проложен не по продольной оси, а открывается под углом к ней в ее боковой стенке. Канал длиной 2,6 м обрывается в топку ступенькой высотой 0,72 м. Нижний ярус печи с продолговатой топочной камерой выложен из кирпича и в нижней части заглублен в материк. По устройству топочного хода печь отличается от известных пока в Хорезме и находит отдаленную аналогию лишь в печах Мингечаура, крайняя верхняя возможная дата которых (II—III вв. н. э.) близка к датировке базаркалинской печи [10]. Однако стрельчатое перекрытие мингечаур-

---

[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 32, 84, 86; рис. 22, 23, табл. I; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. (Автореферат кандидатской диссертации).— КСИЭ, вып. XXII, 1955, стр. 74, 76—78 и рис. 2.

[6] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 138—140; В. Сарианиди. Керамические печи городищ древнего Мерва.— Сб. студенческих работ САГУ, вып. V. Ташкент, 1953, стр. 55.

[7] См. полевой дневник Ю. А. Рапопорта за 1951 г., хранящийся в архиве Хорезмской экспедиции АН СССР.

[8] С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г.— СА, вып. XIX, 1954, стр. 258.

[9] В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.— СА, вып. I, 1936, стр. 175, рис. 1.

[10] Г. И. Ионе. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 44, рис. 6, *II*; стр. 52; его же. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура.— «Материальная культура Азербайджана», вып. II. Баку, 1951, стр. 34, рис. 1—2; стр. 46, рис. 11; стр. 54.— Мингечаурские печи по конструкции и форме (они прямоугольные, а не круглые, как в Хорезме) значительно отличаются от ба-

ских печей отличается от плоских базаркалинских, устроенных по образцу кангюйских печей, причем глиняный диск перекрывает не всю топочную камеру, а лишь ее середину, собственно и представляющую собой топку. Жаропроводящие каналы печи № 1 двух типов: одни, начинаясь в верхней части стенок топки, открываются в камере обжига двумя отверстиями каждый, другие — центральные,— как и прежде, имеют одно отверстие,

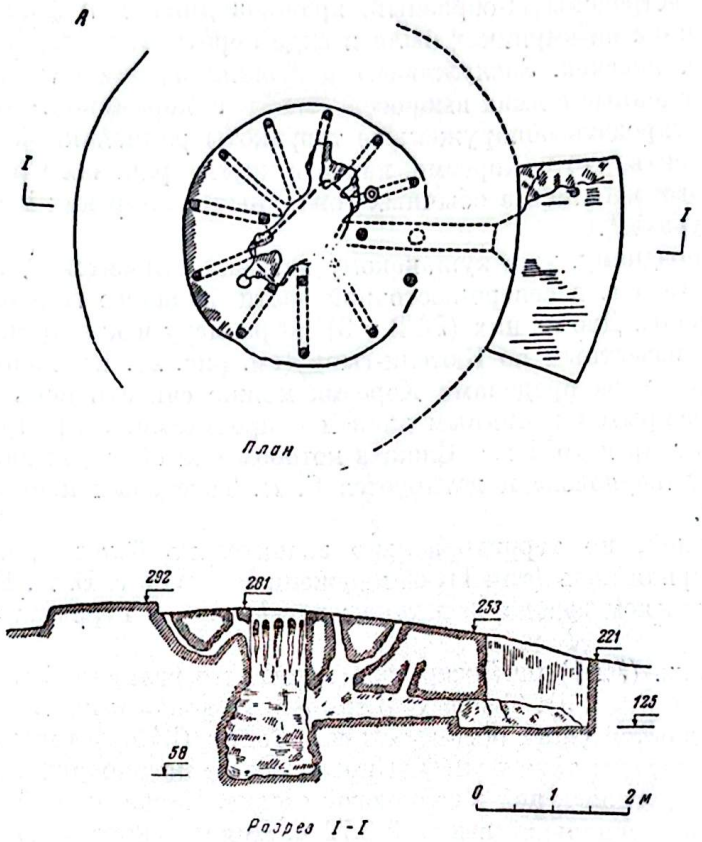

Рис. 3. Базар-кала. План и разрез гончарной печи № 1

проделанное в потолке топки. Обжигательная камера почти не сохранилась. Остались основания ее стен (толщиной 10—15 см) и под с продухами (диаметр пода 3,65—3,75 м). По типу керамики печь можно отнести ко II в. н. э., так как большинство сосудов аналогично найденным в доме № 1 Аяз-калы, датированном монетами Канишки [11].

К кушанскому же времени относятся две печи, раскопанные в 1953 г. на Калалы-гыре [12]. Обе они (большая — диаметр пода 4 м и малая — 2,2 м) вырублены в цоколе крепостной башни уже давно запустевшего городища.

заркалинских печей и вполне закономерно сближаются В. Ф. Гайдукевичем с исследованной им печью Мунчак-тепе (В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе.— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 81). Единственно, в чем мингечаурские печи сходны с базаркалинскими,— это удлиненность топочной камеры и расположение топочного хода не по оси топки, а открывающимся в ее боковой стенке.

[11] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 108.

[12] Работы велись под руководством начальника отряда Ю. А. Рапопорта. В 1954 г. печи были специально обследованы и обмерены нами.

По устройству печи одинаковы (рис. 4). Топочный ход — узкий, длинный, обрывается в камеру ступенькой. Камера той же ширины, что и ход, служит как бы его продолжением; стенки камеры и топочного хода выложены поставленными на ребро кирпичами. И камеры и ход имеют стрельчатое перекрытие из наклонно поставленных и опирающихся на края

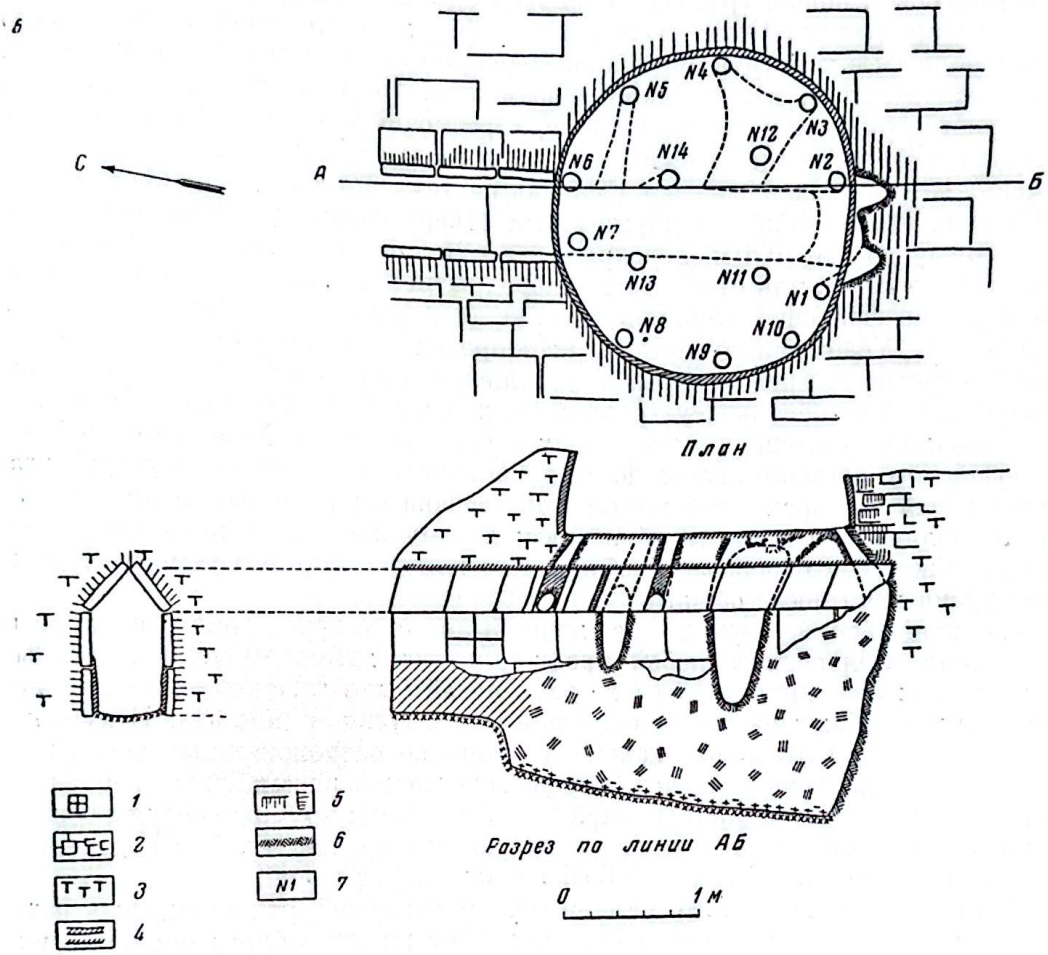

Рис. 4. Калалы-гыр № 1. План и разрез малой гончарной печи в башне № 15

— обожженная плита с тамгой; *2* — обожженные кирпичные плиты (40 × 40 × 6 см; 37 × 37 × × 6 см; 20 × 20 × 6 см); *3* — кладка из сырцового кирпича (40 × 40 × 6 см); *4* — обожженная глиняная обмазка; *5*— прокаленная докрасна глина или сырцовые кирпичи; *6* — ошлакованная глиняная обмазка; *7* — жаропроводящие отверстия (продухи)

стенок кирпичей. В тех местах, где выходят жаропроводящие каналы, кирпичи либо расставлены, либо подрублены. Близкое этому устройство перекрытия топки известно лишь на Кавказе в упоминавшихся печах Мингечаура [13].

Судя по уцелевшим нижним частям стенок обжигательной камеры, она имела куполообразную форму. Загрузочные люки устраивались на разной высоте. Так, например, стены малой печи (сохранившиеся на высоту 0,7 м) были глухие. Поэтому люк мог находиться лишь в верхней части камеры.

---

[13] Г. И. Иоиле. Гончарные печи древнего Мингечаура, стр. 45, рис. 7; его же. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура, стр. 42, рис. 8.

У большой печи он был устроен на уровне пода, в стенке, противоположной топочному отверстию. К люку подходит четко выраженная рабочая поверхность.

На основании приведенного материала можно заключить, что керамические печи Хорезма в кушанское время были усовершенствованы и приспособлены к новым требованиям производства — выпуску большего количества продукции. Были увеличены размеры камер обжига, что вызвало изменение и в конструкции топки. Перекрыть ее одним глиняным диском, как это делалось ранее, стало невозможно. Не прибегая к сооружению опорного столба или стенки в топке, хорезмские мастера нашли иное конструктивное решение. Топка была до предела сужена, а стенки ее утолщены. В них прокладывалась сложная система широких жаропроводящих каналов, открывающихся двумя-тремя отверстиями. Центральный канал, суженный до 0,4—0,8 м, перекрывался или по-прежнему диском (Базаркала, печь № 1), или стрельчатым перекрытием, хорошо известным хорезмийцам по фортификационной технике (стрельчатые бойницы античного времени). Усложнение системы жаропроводящих каналов обеспечивало равномерный обогрев камеры, а утолщение стен топки, сложенных из сырца или глинобитных, устраняло непроизводительную потерю тепла.

Попарное размещение гончарных печей известно в Хорезме от раннекангюйского времени вплоть до современности. Необходимость устройства двух печей в современной мастерской связана с различным режимом обжига поливной и неполивной посуды; к тому же вторая печь позволяет вести обжиг без перерыва, необходимого для регулярного ремонта и для разгрузки печи после обжига.

В кангюйский период обе печи были примерно одной величины и служили для обжига любой продукции — от хумов до мелкой посуды и терракот; очевидно, устройство двух печей было вызвано желанием не прекращать обжиг на время остывания, разгрузки и ремонта. В кушанский период использование каждой из попарно расположенных печей изменилось. Одна печь делалась больше, что можно рассматривать как появившуюся дифференциацию печей по назначению: крупные сосуды обжигались в больших печах, мелкие и терракоты — в малых. Это подтверждается и находками в выбросах брака у каждой из печей.

В Средней Азии открыто немало гончарных печей, относящихся к различному времени, однако в публикациях нет ни подробного описания их конструкции, ни, в большинстве случаев, их чертежей [14]. По опубликованным кратким характеристикам гончарных горнов можно заключить, что обжигательные печи Хорезма в античный период отличались от большинства среднеазиатских.

В какой-то мере с хорезмскими печами раннекангюйского времени можно сопоставить горн, найденный при работах ЮТАКЭ на поселении Тахирбай 2 [15], и обнаруженную в Айртаме печь кушанского времени, напоминающую синхронную ей большую базаркалинскую печь (№ 1), насколько об этом можно судить по приведенному В. Ф. Гайдукевичем опи-

---

[14] Сводку о гончарных печах, раскопанных в Средней Азии до 1952 г., см. В. Сарианиди. Керамические печи городищ древнего Мерва.

[15] В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-депе.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1955, № 3, стр. 3.— С неопубликованным схематическим чертежом этой печи мы имели возможность познакомиться благодаря любезности В. М. Массона. При целом ряде отличий (величина, более сложная система жаропроводящих каналов) наблюдается конструктивное сходство: устройство топочной камеры в грунте, округло-овальная форма топки с длинным, обрывающимся ступенькой топочным ходом, отсутствие опорного столба или стенки и др.

санию зарисовки Т. Миргиязова [16]. Конструкции остальных известных нам в Средней Азии горнов или не охарактеризованы авторами статей (горны II—I вв. до н. э.— I—II вв. н. э. в Мерве [17]; горны кушанского времени на Кара-тепе [18]), или сильно отличаются от хорезмских (печь I—II вв. н. э. в Мунчак-тепе [19], рубежа нашей эры на Афрасиабе [20], III—IV вв. н. э. на городище Ер-Курган [21] и др.). В краткой публикации невозможно охарактеризовать подробно конструкцию печей, исследованных в Средней Азии, и сравнить их с хорезмскими; можно лишь отметить, что конструктивно более близки хорезмским печи древней Маргианы (Тахирбай 2) и Западного Казахстана (Алтын-асар). Известное сходство можно отметить и в печах, исследованных на Кавказе (Мингечаур, Елизаветинское городище).

Таким образом, некоторые аналогии гончарным печам Хорезма античного времени можно найти в юго-западных и западных районах, вплоть до Кавказа, с которым, кроме того, имеется много общего и в керамике.

Вопрос о связях Хорезма с юго-западными районами и Кавказом требует специального изучения. Конструктивная близость гончарных печей Кавказа и Хорезма, как и сходство керамики, лишь еще раз подтверждают необходимость обратить внимание на эту уже поднимавшуюся в литературе [22] интересную проблему и более внимательно отнестись к сообщению древних авторов о распространении влияния Хорезма вплоть до страны колхов [23].

М. С. ЛАПИРОВ-СКОБЛО

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПАМЯТНИКА АНТИЧНОГО ХОРЕЗМА — КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛЫ

Высокая познавательная ценность памятников архитектуры — одного из основных видов вещественных исторических источников, изучаемых археологией,— бесспорна. Это доказано многолетними работами ряда археологических экспедиций, в частности Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

Сооружения из сырцового кирпича и из пахсы (глинобитные) принадлежат к числу наиболее древних типов сооружений, сыгравших видную роль в формировании специфических черт среднеазиатского национального зодчества. Архитектурно-художественная концепция в решении объема и внутреннего пространства, приемы обработки отдельных форм и их свое-

---

[16] В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, стр. 80.

[17] М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 года. М., 1954, стр. 43.

[18] М. Е. Массон. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 и 1938 гг.— «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР». Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 5.

[19] В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе.

[20] А. И. Терепожкин. Раскопки на городище Афрасиаб, стр. 137.

[21] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР». Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II. Ташкент, 1950, стр. 113—116; рис. 14.

[22] См. С. П. Толстов. Из предистории Руси.— «Советская этнография», сб. VI—VII. М.— Л., 1947, стр. 41; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 108—109.

[23] Арриан. Анабасис, IV, 15, 5.